

«Русские эмигранты в Сирии»: М.И. Самсонов о положении выходцев с Кавказа в начале XX в.¹

Петрунина Ольга Евгениевна

Доктор исторических наук, профессор, исторический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, РФ.

E-mail: petrunina@narod.ru

SPIN-код РИНЦ: [4479-7104](https://elibrary.ru/4479-7104)

Аннотация

История формирования кавказских диаспор за пределами России стала изучаться в нашей стране уже в XIX в., но и сегодня является одним из актуальных направлений научных исследований. Однако она до сих пор остается слабо изученной прежде всего в силу отсутствия достаточного количества источников. Имеющиеся сведения о раннем периоде истории кавказских общин за рубежом неполны и противоречивы. Между тем на начало XX в. приходится новая волна мухаджирства с Кавказа в Османскую империю. Данная статья вводит в научный оборот новый источник — докладную записку секретаря российского консульства в Дамаске М.И. Самсонова «Русские эмигранты в Сирии» (1906). В ней изложены сведения о численности, поселениях, особенностях правового статуса и настроениях мухаджиров с Кавказа, обосновавшихся в Сирии и Заиорданье. Эти данные, собранные в ходе поездок по консульскому округу и общения с эмигрантами, автор сопроводил собственными размышлениями о причинах эмиграции кавказцев из России и их положении в Османской империи, оценил их желание и возможности вернуться обратно. В настоящей статье сведения и выводы, сделанные автором записки, сопоставляются с другими известными на сегодня данными о положении эмигрировавших в Сирию российских мусульман. Несмотря на то, что на некоторые вопросы докладная записка М.И. Самсонова дает самые общие ответы, она содержит новые сведения о жизни мухаджиров и их статусе, которые существенно дополняют современные научные знания в этой области.

Ключевые слова

История Сирии, история Османской империи, мухаджирство, эмиграция с Кавказа, этнические меньшинства.

“Russian Emigrants in Syria”: M.I. Samsonov on the Status of Expatriates from the Caucasus at the Beginning of the 20th Century²

Olga E. Petrunina

DSc (History), Professor, Historical Faculty, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher, Institute of Slavic Studies of RAS, Moscow, Russian Federation.

E-mail: petrunina@narod.ru

Abstract

The history of Caucasian diasporas formation outside Russia has been studied in our country since the 19th century, but even today it is one of the topical areas of scientific research. However, it still remains poorly studied, first of all due to the lack of a sufficient number of primary sources. The available information about the early period of the history of Caucasian communities abroad is incomplete and contradictory. Meanwhile, at the beginning of the 20th century there was a new wave of Muhajirism from the Caucasus to the Ottoman Empire. This article introduces to scientific community a new primary source — a memorandum of the Russian consulate secretary in Damascus M.I. Samsonov “Russian emigrants in Syria” (1906). It contains information about the number, settlements, peculiarities of the legal status, moods of muhajirs from the Caucasus who settled in Syria and Trans-Jordan. This data, collected during Samsonov’s trips around the consular district and his communications with emigrants, are accompanied by his own reflections on the reasons for the emigration of Caucasians from Russia and their status in the Ottoman Empire as well as assessment of their desire and opportunities to return back. In this article, the information and conclusions made by the author of the memorandum are compared with other known data on Russian Muslims who emigrated to Syria. Despite the fact that the memorandum of M.I. Samsonov gives the most general answers to some questions, it contains new information about the life of the muhajirs and their status, which significantly supplements present scientific knowledge in this area.

Keywords

History of Syria, Ottoman Empire history, muhajirs, expatriation from the Caucasus, ethnic minorities.

Введение

Во второй половине XIX–начале XX в. в Османской империи происходили важные этносоциальные и демографические процессы, в ходе которых постепенно менялась этническая и конфессиональная карта владений султанов. В это время страна лишилась части своих владений в Европе, где значительную часть населения составляли христиане, в то же время в страну потянулся поток беженцев-мусульман с Балкан. Низкий уровень жизни христианского населения

¹ Материалы для статьи были обнаружены в ходе работы над проектом РФФИ № 19-09-41004.

² The materials for the article have been found during the work on RFBR project № 19-09-41004.

в некоторых провинциях, в частности в Сирии, породил массовую трудовую миграцию христиан. Но в некоторых других провинциях, особенно в крупных портовых городах, христианское население, напротив, жило все лучше. Этот период ознаменовался и рядом серьезных внутренних конфликтов в Империи на этнической и конфессиональной почве, таких как друзо-маронитский конфликт, греко-болгарское и греко-арабское церковное противостояние и др. Все это вело к напряженности в этноконфессиональных отношениях, которая иногда стала принимать формы массовых погромов. На таком фоне происходило начавшееся по завершении Кавказской войны переселение в Империю кавказских мусульман-суннитов. В некоторых провинциях они внесли заметный вклад не только в изменение этнической и конфессиональной карты, но и в социально-экономическое развитие этих областей.

Общие сведения об эмигрантах-мусульманах в Сирии

«Русские эмигранты в Сирии» — так называется докладная записка, составленная секретарем российского консульства в Дамаске Михаилом Ильичом Самсоновым в начале 1906 г., которая в скором времени легла на стол посла в Константинополе Ивана Алексеевича Зиновьева³. Но речь в ней идет вовсе не о русских с этнической точки зрения, но, говоря современным языком, о российских эмигрантах-мусульманах, с которыми консульству приходилось иметь дело в границах своей юрисдикции. Все российские мусульмане, о которых писал М.И. Самсонов, были выходцами с Кавказа. Об их жизни на новой родине в то время было известно немного.

Европейские путешественники и исследователи традиционно обращали пристальное внимание на положение христианских народов Империи, не выделяя отдельных народов и племен из общей массы мусульман. Последних в лучшем случае делили на суннитов и шиитов. В османских переписях населения, ориентированных на традиционный институт миллета, также применялся такой подход. Так, перепись населения Дамаска, проведенная в 1905–1906 гг., о результатах которой докладывал в посольство временно управлявший консульством в этом городе М.И. Самсонов, зафиксировала 178705 проживавших в городе мусульман, не разделяя их по этносам. Для представителей других вероисповеданий, совокупно составлявших 22,5 тыс. чел.⁴, определить этническую принадлежность зачастую проще в силу ее совпадения с конфессиональной (иудеи, марониты, армяне-католики и др.).

Между тем к концу XIX столетия европейцы стали уделять больше внимания мусульманским этносам. Это можно заметить, в частности, по работам французского географа и востоковеда секретаря Управления оттоманского государственного долга Виталия Кюине (1833–1896) [Cuinet 1891–1894; Cuinet 1896–1901]. О выходцах из России, которых он совокупно называет черкесами и выделяет в отдельную группу среди мусульман-суннитов, В. Кюине говорит следующее: в Сирии их было немного, поселились они там после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а в Турции вообще занимались преимущественно сельским хозяйством и служили в армии, считаясь отличными воинами. В Сирийском вилайете В. Кюине насчитал 5045 черкесов, в том числе 1630 чел. В Дамасском санджаке, 2415 чел. в Хауране [Cuinet 1898, 307, 386, 458]. Из 1900 мусульманских школ Сирийского вилайета, в которых насчитывалось 34 тыс. учеников, 290 детей обучались в 23 черкесских школах [Ibid., 318].

³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1718. Л. 43–46. Если не указано иное, все ссылки далее даются на этот документ.

⁴ Приложение к секретному донесению управляющего консульством в Дамаске М.И. Самсонова послу в Константинополе И.А. Зиновьеву № 5 от 5 февраля 1907 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. 1907. Д. 1720. Л. 11.

Как отмечает М.И. Самсонов, поток иммигрантов из России, значительный в первые годы по окончании Кавказской войны, постепенно уменьшался. Это понятно: если первая волна переселения была вызвана совпадением интересов России и Османской империи, а также кавказских элит, рассчитывавших на определенные выгоды от переселения, то к концу XIX столетия, ощутив последствия и сложности, связанные с размещением большого числа иммигрантов и их репатриацией, обе империи стали относиться к этому вопросу с большей осторожностью⁵.

Однако в начале XX в. эмиграция стала вновь расти. Возможной причиной этого российский дипломат называл «неспокойное положение» в России. Покидали Россию преимущественно представители абхазо-адыгских и тюркских народов Северного Кавказа, а также закавказские грузины-мусульмане. Об их прибытии в Сирию сообщал еще в 1900 г. тогдашний секретарь консульства в Дамаске С.В. Тухолка [Смилянская и др. 2015, 90–91].

Статус эмигрантов-мусульман

В 1905 г. в соседний с Сирийским Алеппский вилайет, по свидетельству М.И. Самсонова, прибыло около 3 тыс. российских мусульман. Интересно, что С.В. Тухолка ранее предполагал, что их будет несколько десятков тысяч [Там же, 91].

Точных сведений о количестве выехавших из России и обосновавшихся в Сирии мусульман в российском консульстве не было и достать их не представлялось никакой возможности, поскольку сами местные власти их не имели. В 1905 г. губернатор Сирийского вилайета Назим-паша предпринял попытку провести перепись черкесского населения Хаурана, но натолкнулся на вооруженное сопротивление. М.И. Самсонов не пишет, что вызвало недоверие к власти в конкретном случае. Однако после разъяснений черкесы согласились. Каждому записанному был вручен нуфус-тескере (удостоверение личности), что означало признание и властями, и ими самими их османского подданства.

Вопрос о статусе кавказских иммигрантов в Империи был довольно запутанным. С одной стороны, согласно российскому законодательству, выехавшие из страны российские подданные имели на руках заграничный паспорт, сохраняли свое подданство и имели право в течение пяти лет вернуться на родину. Османские власти стремились отобрать у иммигрантов российские паспорта, лишая их тем самым консульской защиты и возможности возвращения. В этом случае местные чиновники руководствовались правилом, что, покинув Россию по религиозным соображениям, переселенцы автоматически сменили подданство. С другой стороны, существовало распоряжение министра внутренних дел, предписывавшее выдавать нуфус-тескере только после запроса в российские консульства. В дамасское консульство таких запросов, по свидетельству М.И. Самсонова, поступало очень мало. Во всей этой неразберихе некоторые переселенцы сумели сохранить российские паспорта, обеспечивая себе возможность возвращения. Это им удавалось либо потому, что османские чиновники не успевали обойти каждого в больших группах вновь прибывших переселенцев, либо потому, что переселенцы не знали турецкого языка.

В России отношение к мусульманам-эмигрантам в начале XX в. также было неоднозначным. Возвращение в Россию мусульман, эмигрировавших по религиозным мотивам, не допускалось. Но, как уже говорилось, российские подданные, выехавшие не по религиозным мотивам, имели право вернуться. Некоторые горцы смогли вернуться на родину. Были случаи, когда репатрианты вновь занимали прежнее общественное положение и возвращали из эмиграции свои семьи.

⁵ Тимошенко Е.Н. Миграция народов Северо-Западного Кавказа в Османскую империю во второй половине XIX в. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. ист. наук. СПб., 2008. С. 13–15.

М.И. Самсонов приводит случай семьи Балыкоевых из Терской области: вернувшись на родину, Магомет Балыкоев выхлопотал паспорт для своего дяди Иналуко Балыкоева с тем, чтобы тот привез из Сирии его жену. Как справедливо отмечает автор записки, подобные случаи (а они повторялись) были бы невозможны без содействия со стороны начальника Терской области. Некоторые эмигранты запрашивали разрешение на возвращение через консульство и получали утвердительный ответ. Все эти случаи свидетельствуют о том, что местные российские власти вовсе не занимались изгнанием или выселением горцев. Напротив, начальник Терской области помогал пересмотревшим свое решение эмигрантам вернуться домой. Современная исследовательница З.Х. Ибрагимова пишет о том, что российское законодательство, запрещавшее мухаджирам возвращение в Россию, делало их репатриацию крайне затруднительной [Ибрагимова 2007, 490], но приводимые М.И. Самсоновым сведения говорят о том, что местные власти часто закрывали глаза на этот запрет. Эмигранты могли вернуться сами и вернуть свои семьи. Такая непростая ситуация с репатриацией кавказцев из Османской империи не была чем-то новым: еще в 1860-е гг., в первую волну переселенцев, отношение российских властей к попыткам кавказцев вернуться было столь же неоднозначным [Берже 1882, 25–26].

М.И. Самсонов был уверен, что бóльшая часть горцев вернулась бы на родину, если бы у них была такая возможность. Помимо бюрократических и политических, были и другие факторы, препятствовавшие репатриации: недостаточное знание переселенцами турецкого языка, а также незнание своих прав. Тем не менее многие продолжали считать себя россиянами и видели в российском консуле своего заступника. По мнению исследователей, основной причиной недовольства переселенцев в Сирию и Трансиорданию в эти годы были трудности с размещением, которое затягивалось местными властями [Кушхабиев 2006, 429].

В исследованиях часто встречаются утверждения, что к эмиграции кавказские народы подталкивала угроза русификации [Ибрагимова 2007, 489]. Как утверждали черкесские собеседники М.И. Самсонова, среди них распространился слух, будто бы их станут принуждать к смешанным бракам с «кафирами-русскими». Но по приезду в Сирию они быстро убедились, что новые условия жизни не соответствовали их ожиданиям, и, угрожая смертью, стали требовать от склонившего их к переселению «предводителя Анзарова» вывезти их обратно. Вероятно, слухи о принудительной русификации распространялись среди горцев Кавказа намеренно. Что же касается исторической действительности, то уже к началу XX в. часть эмигрировавших в Османскую империю горцев полностью ассимилировалась с местным населением, чему в Сирии, несомненно, способствовало изучение священного арабского языка. Один из самых ярких примеров — убыхи, целая народность, растворившаяся среди единоверцев на Ближнем Востоке.

Еще одна причина эмиграции кавказских мусульман — обещания более сытой и благополучной жизни во владениях султана, которые давались населению некоторыми представителями местных элит, заинтересованными в эмиграции по личным политическим или экономическим причинам. К примеру, семьи рода Анзор (Анзоровых) получили земельные наделы в шесть раз больше простых иммигрантов [Кушхабиев 2006, 432].

Получив османское подданство, иммигранты получали доступ к занятию государственных должностей. Но на практике административные должности выходцы с Кавказа занимали редко. Сами они объясняли эту ситуацию «немилостью султана по отношению к находящемуся под стражей в Дамаске преклонному Фуад-паше». Самый, пожалуй, высокопоставленный черкес в Империи того времени маршал Фуад-паша (1835–1931), прозванный сумасшедшим или неистовым (Дели) за свою прямолинейность, попал в опалу за то, что подозревался в сношениях с младотурками. В 1902 г. ему было предъявлено

обвинение в организации заговора против султана Абдул-Хамида II и военный трибунал осудил его на смертную казнь, замененную на пожизненное заключение, которое он и отбывал в Дамаске. Вторым обвиняемым по этому же делу был еще один маршал северокавказского происхождения — сын Шамиля Гази-Мухаммед [Чочиев 2012, 10].

Упоминание Фуад-паши в таком контексте свидетельствует об определенной сплоченности черкесских общин, которую осознавали не только они сами, но и османские власти. Неслучайно, опасаясь возникновения организованного черкесского движения на этнической почве, Порты отправила в ссылку родственников опальных маршалов и разослала по провинциям компактно проживавших в столице черкесских иммигрантов [Там же]. Однако сведений о наличии в то время у эмигрантов из России каких-либо общественных организаций или периодических изданий нет, поскольку в период зулюма создать их было невозможно. Младотурецкая революция такие возможности открыла, и быстрое появление первых черкесских культурно-просветительских обществ (Черкесское общество единения и взаимопомощи) со своими печатными органами продемонстрировало высокую степень консолидации иммигрантских общин. Важную роль в создании и деятельности этих организаций сыграли влиятельные сановники черкесского происхождения, в частности Фуад-паша [Березгов и др. 2006, 415–419].

В то же время среди факторов, препятствовавших интеграции иммигрантов в местное общество и, напротив, способствовавших сохранению их идентичности и солидарности, современники называли низкий уровень образования. Так, заведующий действовавшим в 1911–1914 гг. Бюро заграничной агентуры Департамента полиции в Константинополе в одном из своих донесений, опубликованном Д.Ю. Араповым, писал о «некультурности мусульман» и «невежестве их духовенства» как о причине провала пропаганды панисламистской идеологии, призванной консолидировать мусульман сначала в религиозном, а затем и в политическом плане [Арапов 2006, 110].

Черкесские поселения в Сирии и Заиорданье

М.И. Самсонов собрал сведения о сирийских населенных пунктах, где жили переселенцы, о приблизительной численности иммигрантов и их роде занятий. Некоторые использовавшиеся тогда топонимы впоследствии вышли из употребления, поэтому часть названий трудно идентифицировать с более поздними.

Самым большим на тот момент черкесским селением он называет Конейтру (Эль-Кунейтру). Этот небольшой город на Голанских высотах оказался на линии фронта во время арабо-израильских войн 1967 и 1973 гг., в результате чего был полностью разрушен. Но в начале XX в. там проживала тысяча черкесских семей (домов), две трети которых занимались бакалейной и мануфактурной торговлей, а остальные — земледелием, «ибо для последнего Конейтра крайне неблагоприятна». Османские власти намеревались использовать известных своими боевыми традициями переселенцев для подавления восстаний беспокойных племен, прежде всего друзов. Поэтому их расселяли анклавами на территориях с беспокойной обстановкой [Blumi 2013, 136; Смилянская и др. 2015, 91–92]. Но земли им выделялись бедные, часто на границе земель бедуинов, с которыми у кавказцев нередко случались конфликты [Бадерхан 2001, 68–69].

Интересные факты М.И. Самсонов сообщает о селе Бойдан дамасского уезда: «Это было одно из самых населенных и лучших черкесских селений». Согласно данным исследователей, это село было основано карачаевцами и балкарцами, переселившимися в Османскую империю в 1884–1885 гг. Эмиграция представителей этих народностей продолжалась и в последующие годы, вторая ее мощная волна приходится на 1905–1906 гг. Причем часть переселенцев

настаивала на поселении поближе к местам хаджа, в частности в Сирии [Кипкеева 2014, 724–728; Тетуев 2016, 54–55]. Вероятно, в Бойдане в то время обосновались осетины⁶. Однако, по сведениям М.И. Самсонова, именно в 1905 г. множество семейств уехало из села Бойдан обратно в Россию, кто на законном основании, кто хитростью, так что в данное время в этом селении «находится лишь 40 домов и то лишь из переселившихся в Сирию лет 20 тому назад, которые уже совершенно обарабизировались и почти даже забыли родной свой язык». Аналогичным образом ассимилировались 40 черкесских семей в Думе, городе недалеко от Дамаска, и «их почти нельзя отличить от прочих, разве только по типу». В Хаме М.И. Самсонов обнаружил 60 черкесских семейств.

Кавказских иммигрантов размещали также и на территории современной Иордании, где они должны были охранять путь из Дамаска на Аравийский полуостров. Кавказские иммигранты в последней четверти XIX в. фактически возродили древний город Амман, позже ставший столицей независимого королевства [Hamed-Troyansky 2017, 605–623; Nanania 2019, 2–3]. М.И. Самсонов сообщает о 650 черкесских семьях, населявших тогда Амман. Главным их занятием было коннозаводство, однако «большого успеха они не имели». Еще триста семей обосновались в Сальте (Эс-Сальте), где занимались в основном земледелием. В окрестностях этого города, в то время переживавшего расцвет и бывшего административным центром казы (уезда), условия для сельского хозяйства были значительно лучше. Однако и здесь кавказским переселенцам приходилось бороться за землю как с бедуинскими племенами, так и с местными феллахами (крестьянами) [Бадерхан 2001, 78–79]. 250 кавказских семей проживали в Джараше — древней Герасе, также известной как ближневосточные Помпеи и разрушенной землетрясением в VIII в. н.э.; 200 чеченских семей обосновались в Ханитарке (Эз-Зарке). Это были переселенцы начала XX в., фактически основавшие этот в будущем крупный промышленный центр Иордании⁷.

В селениях Нагхур (150 семей) и Хершней (60 семей) жили преимущественно кавказцы-земледельцы, 60 черкесских семей обосновались в Арасейфе (Эр-Русейфе), 80 балкарских семей разместились в селении Метха. В Арасейфе размещалась в основном последняя волна переселенцев. Если суммировать данные о численности эмигрантов-мусульман из России в Сирии и Трансиордании на 1905 г., то получится примерно 10–12 тыс. чел. Это немного по сравнению с общей численностью населения этих областей Османской империи в то время.

Как отмечает М.И. Самсонов, ему ни разу не приходилось слышать, «чтобы эмигрировавшие были довольны своим новым положением и не пожелали вернуться обратно в свои горы Кавказа». Это происходило главным образом потому, что «турецкое правительство, крайне широкое в своих обещаниях, но к исполнению их весьма туго». Переселенцам обещали земельные наделы и денежную помощь, однако в начале XX в. местные власти с этим не спешили. Первоначально иммигрантам предоставляли ряд льгот, например освобождение от налогов и воинской повинности. Однако со временем эти льготы уменьшались и были наконец полностью отменены. Своё исследование положения переселенцев М.И. Самсонов провел в особенно сложное для них время: из России прибыли новые партии эмигрантов, расселение которых задерживалось местными властями, в результате чего вновь прибывшие оказались в тяжелом материальном положении. Это обстоятельство повлияло на общее впечатление от общения с переселенцами, сложившееся у российского дипломата, который относился к ним с явным сочувствием.

⁶ Джигоева М. Осетины в Сирии // Республика Южная Осетия. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://south-ossetia.info/osetiny-v-sirii-2/> (дата обращения: 10.08.2021).

⁷ Бадаев С.-Э.С. Вахнайская диаспора в Турции, Иордании и Сирии: история и современность. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. ист. наук. Махачкала, 1998. С. 22–23.

Заключение

Записка М.И. Самсонова дает лишь самые общие ответы на многие вопросы, касающиеся жизни эмигрантов из России в османской Сирии. Исследователям хотелось бы знать больше об их этнической принадлежности, роде занятий, доходах, образовании, настроениях, отношениях с соседями и властями. Но в условиях скудости источниковой базы по этим вопросам содержащиеся в этом документе сведения и оценки существенно дополняют наши представления о жизни выходцев из России в османских провинциях, а также об этноконфессиональной ситуации в них.

Список литературы:

- Арапов Д.Ю. Российские мусульмане и Турция в начале XX века // Восточный архив. 2006. № 14–15. С. 107–112.
- Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX–первая половина XX века). Москва: ИВ РАН, 2001.
- Березгов Б.Н., Кушхабиев А.В., Чочиев Г.В. Черкесы в Турции // Адыгская (черкесская) энциклопедия. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. С. 409–427.
- Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. Т. XXXVI, октябрь. С. 1–32.
- Ибрагимова З.Х. Мир чеченцев. XIX век. М.: Пробел-2000, 2007.
- Кипкеева З.Б. Диаспора в странах Ближнего Востока // Карачаевцы. Балкарцы / отв. ред. М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев. М.: Наука, 2014. С. 722–729.
- Кушхабиев А.В. Черкесы в Сирии и Иордании // Адыгская (черкесская) энциклопедия. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. С. 428–444.
- Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М. Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений. М.: Индрик, 2015.
- Тетуев А.И. Зарубежная диаспора карачаевцев и балкарцев: история и современность. Нальчик: Печатный двор, 2016.
- Чочиев Г.В. Национально-культурная и политическая деятельность черкесских элит в Османской империи в конце XIX–начале XX в. // Известия СОИГСИ. 2012. № 8(47). С. 3–12.
- Blumi I. Ottoman Refugees, 1878–1939. Migration in a Post-Imperial World. London — New York: Bloomsbury, 2013.
- Cuinet V. La Turquie d'Asie. Géographie administrative. Statistique descriptive et raisonnée de chaque province de l'Asie-Mineure. T. 1–4. Paris: E. Leroux, 1891–1894.
- Cuinet V. Syrie, Liban et Palestine. Géographie administrative. Statistique descriptive et raisonnée. F. 1–4. Paris: E. Leroux, 1896–1901.
- Cuinet V. Syrie, Liban et Palestine. Géographie administrative. Statistique descriptive et raisonnée. F. 3. Paris: E. Leroux, 1898.
- Hamed-Troyansky V. Circassian Refugees and the Making of Amman, 1878–1914 // International Journal of Middle East Studies. 2017. Vol. 49. Special Issue 4. P. 605–623. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020743817000617>.
- Hanania M.D. From Colony to Capital: Reconsidering the Socio-Economic and Political History of Amman, 1878–1928 // Middle Eastern Studies. 2019. № 55. Is. 1. P. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.1080/00263206.2018.1505612>.

References:

- Arapov D.Iu. (2006) Russian Muslims and Turkey at the Beginning of the XX century. *Vostochnyy arkhiv*. № 14–15. P. 107–112.
- Baderkhan F. (2001) *Severokavkazskaya diaspora v Turtsii, Sirii i Iordanii (vtoraya polovina XIX–pervaya polovina XX veka)* [North Caucasian diaspora in Turkey, Syria and Jordan (second half of the XIX–first half of the XX century)]. Moscow: IV RAN.
- Berezgov B.N., Kushkhabiyev A.V., Chochiyev G.V. (2006) Cherkesy v Turtsii [Circassians in Turkey]. *Adygsкая (cherkesskaya) entsiklopediya*. Moscow: Fond im. B.Kh. Akbasheva. P. 409–427.
- Berzhe A.P. (1882) Vyseleniye gortsev s Kavkaza [Eviction of highlanders from the Caucasus]. *Russkaya starina*. Vol. XXXVI, October. P. 1–32.
- Blumi I. (2013) *Ottoman Refugees, 1878–1939. Migration in a Post-Imperial World*. London — New York: Bloomsbury.
- Chochiyev G.V. (2012) Natsional'no-kul'turnaya i politicheskaya deyatel'nost' cherkesskikh elit v Osmanskoj imperii v kontse XIX–nachale KhKh v. [National-cultural and political activities of Circassian elites in the Ottoman empire in the late XIX–early XX century]. *Izvestiya SOIGSI*. № 8(47). P. 3–12.
- Cuinet V. (1891–1894) *La Turquie d'Asie. Géographie administrative. Statistique descriptive et raisonnée de chaque province de l'Asie-Mineure*. T. 1–4. Paris: E. Leroux.
- Cuinet V. (1896–1901) *Syrie, Liban et Palestine. Géographie administrative. Statistique descriptive et raisonnée*. F. 1–4. Paris: E. Leroux.
- Cuinet V. (1898) *Syrie, Liban et Palestine. Géographie administrative. Statistique descriptive et raisonnée*. F. 3. Paris: E. Leroux.
- Hamed-Troyansky V. (2017) Circassian Refugees and the Making of Amman, 1878–1914. *International Journal of Middle East Studies*. Vol. 49. Special Issue 4. P. 605–623. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020743817000617>.
- Hanania M.D. (2019) From Colony to Capital: Reconsidering the Socio-Economic and Political History of Amman, 1878–1928. *Middle Eastern Studies*. № 55. Is. 1. P. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.1080/00263206.2018.1505612>.
- Ibragimova Z.Kh. (2007) *Mir chechentsev. XIX vek* [The world of Chechens. XIX century]. Moscow: Probel-2000.
- Kipkeyeva Z.B. (2014) Diaspora v stranakh Blizhnego Vostoka [Diaspora in the Middle East]. In: Karaketov M.D., Sabanchiyev Kh.-M.A. (eds.) *Karachayevtsy. Balkartsy*. P. 722–729.
- Kushkhabiyev A.V. (2006) Cherkesy v Sirii i Iordanii [Circassians in Syria and Jordan]. *Adygsкая (cherkesskaya) entsiklopediya*. Moscow: Fond im. B.Kh. Akbasheva. P. 428–444.
- Smilyanskaya I.M., Gorbunova N.M., Yakushev M.M. (2015) *Syria before and during the Young Turk Revolution in Russian Consular Reports*. Moscow: Indrik.
- Tetuyev A.I. (2016) *Zarubezhnaya diaspora karachayevtsev i balkartsev: istoriya i sovremennost'* [Foreign diaspora of Karachais and Balkars: history and modernity]. Nal'chik: Pechatnyy dvor.

Дата поступления/Received: 17.08.2021